

Ян Нанкэ не заметил никаких странностей в поведении Хоу Чэна. Он продолжал болтать, хвастаясь тем, что бросил работу не сказав родителям. Он даже похвастался, что ушел из дома, не предупредив их, и уже почти полгода не попадает на глаза. Он с гордостью говорил о том, что отказался от старого мобильного телефона и завел новый, который оплачивается анонимными предоплаченными телефонными картами.

— Пока я буду скрываться, они меня ни за что не найдут. Заявление о моем исчезновении ничего не даст. Я прекрасно знаю, каковы полицейские в нашем маленьком городе. Скорее всего, они проведут элементарную проверку и сразу же сдадутся. Нет ни единого шанса, что они поймут, что я больше не на Севере. — Ян Нанкэ покачал головой и рассмеялся. — Пусть мой старик и старая карга беспокоятся обо мне. Им все равно больше нечем заняться весь день. Я оказываю им услугу, давая им повод для размышлений.

Он откинул назад голову и снова рассмеялся.

— Если они смогут найти меня, отлично! Это будет проверкой их способностей. А моя сестра? Она бросила работу, как только вышла замуж, сказав, что будет помогать мужу по дому. Но делать ей особо нечего, так что наверняка она тоже скучает целыми днями. А так ей тоже будет чем заняться, пусть немного по переживает вместе со стариками.

Хоу Чэн слушал все это, стиснув зубы. Пот уже начал стекать по его лбу.

Чем больше Ян Нанкэ говорил, тем больше гордился собой. Он с удовольствием рассказывал Хоу Чэну о том, как его семья всегда баловала сына гораздо больше, чем дочь, о том, как его старшая сестра с самого детства была для него как служанка. Ее оценки были довольно хорошими, и она, вероятно, могла бы поступить в приличный университет, но поскольку у семьи был сын, которого нужно было содержать, у нее не было другого выбора, кроме как отказаться от образования и выйти замуж за человека, который явно ее не любил. Он разглагольствовал о том, какими глупыми были и его родители, как они будут жить и умрут ничтожными государственными служащими, просто бездумно дрейфуя по жизни.

— Я действительно не выношу свою мать. Она постоянно уговаривает меня жениться. Мне всего двадцать четыре, я еще наслаждаюсь молодостью! Какого черта я должен жениться? Кроме того, женитьба стоит денег, понимаешь? Эти двое даже не купили бы мне машину, и они определенно не накопили достаточно денег, чтобы купить приличный дом для меня и жены, так как же я могу жениться? Наша семья может хорошо жить только в таком месте, как Лу. Но в таком большом городе, как ваш Луочэн? Ха, забудь об этом! Луочэн гораздо более развит, чем даже столица нашей провинции. Моя поездка в этот раз действительно расширяет мои горизонты.

Ему просто нечего было сказать хорошего о своих родителях. Он продолжал унижать и принижать их, делая вид, будто их существование — пустая трата воздуха.

— Они твои мать и отец, — наконец сказал Хоу Чэн. — Как их сын, ты не должен так о них говорить.

Ян Нанькэ уже был полностью увлечен своим рассказом, он не мог и не хотел остановиться.

— Просто я так к ним отношусь, ясно? Я серьезно, они жалкие и презренные люди. Они счастливы провести всю свою жизнь в такой дыре, как Лу. Они не хотят уезжать, и они не хотят, чтобы я уезжал. Их вполне устраивает их тупиковая работа. У них нет ни амбиций, ни стремления улучшить свою жизнь! Они как лягушки, которые смирились с жизнью на дне колодца. Знаете, после окончания университета я даже не хотел возвращаться в Лу. Я мог бы легко найти работу в столице нашей провинции. Я вернулся только потому, что старая карга умоляла меня и настаивала на этом, говоря, что купит мне квартиру в Лу.

Хоу Чэн проглотил свой гнев и продолжал молча крутить педали педикэба.

Ян Нанькэ, проболтавшись целую вечность, наконец, похоже, надоело говорить о себе. Он вдруг спросил:

— Дядя, а у вас есть дети?.

— Нет, — ответил Хоу Чэн, его голос дрожал от сдерживаемого гнева.

— Тогда, твои родители, — продолжил Ян Нанькэ. — Они... здоровы?

— Они умерли, когда я был совсем маленьким, — сказал Хоу Чэн.

Ян Нанькэ на мгновение замолчал, а затем разразился смехом и хлопнул себя по ноге.

— Дядя, — сказал он, — я действительно завидую тебе. Ты когда-нибудь слышал эту поговорку: жить легко, если есть машина и дом, а оба родителя мертвы? Вот именно о такой жизни я и мечтаю больше всего.

Ладони Хоу Чэна уже вспотели на руле педикэба.

В этот момент в его венах забурлило убийственное намерение.

В течение многих лет Хоу Чэн вел уединенную жизнь в деревне Цинюэ. Другие жители деревни смотрели на него свысока и не общались с ним, да и он сам не был заинтересован в общении с ними.

Он не был простодушным или не умел хорошо говорить. Просто ему было не до того, чтобы прилагать усилия для общения с другими.

Хотя он посещал только начальную школу, он не был неграмотным. Родители оставили ему дом

и арбузное поле, и только этого ему хватило бы до конца жизни. В свободное время он любил читать книги и газеты. Больше всего ему нравились жуткие новостные статьи, раскрывающие темные стороны общества.

Он не знал, когда это началось, но ненависть и отвращение росли и росли в его сердце долгое, долгое время.

Он начал верить, что многие люди заслуживают смерти. Например, дети, которые шумели в общественных местах, пациенты, которые вымещали свой гнев на врачах, коррумпированные чиновники, знаменитости, злоупотребляющие наркотиками, водители, проезжающие на красный свет, мужья, которые били своих жен, жены, которые изменяли своим мужьям...

Но Хоу Чэн был всего лишь фермером. Он никогда не выходил за пределы своей деревни, и у него не было возможности наказать всех тех людей, которые, по его мнению, заслуживали смерти.

Ему не с кем было поговорить об этой ярости, кипевшей внутри него.

Часто он думал о том, как было бы хорошо, если бы его мать была жива. Его мать была доброй, нежной душой. Она бы выслушала все, что он хотел сказать. Возможно, она даже смогла бы его утешить.

Но его мать была мягкой. Она наверняка воспротивилась бы его желанию "охотиться на зло".

Поэтому ему нужен был отец. Его отец был свирепым и циничным, но в то же время храбрым и благородным. Возможно, отец поддержал бы его зарождающуюся философию.

Хоу Чэн не всегда чувствовал себя "старым холостяком", каким его видели другие жители деревни. Иногда он все еще чувствовал себя тем самым одиннадцатилетним ребенком, который во многом полагался на своих родителей. Он все еще был тем ребенком, настроение которого можно было поднять одним-двумя словами его любимых родителей.

Но в эти дни родители разговаривали с ним только во сне.

Когда он просыпался, он мог только трудиться на дынных полях и бормотать про себя:

— Почему хорошие люди расплачиваются жизнью?

— Почему именно вы были погребены под оползнем?

— Почему те, кто совершает зло, продолжают жить в добром здравии?

— Разве это не те, кто заслуживает смерти?

— Это несправедливо!

— Я хочу, чтобы они умерли! Я хочу, чтобы все эти демоны погибли!

Его недовольство обществом и горе от потери родителей постоянно бурлили в нем, разрывая его на части. Именно в тот момент, когда он чувствовал себя совершенно беспомощным и потерянным, он взял в руки остросюжетный роман.

Эта книга открыла ему глаза на совершенно новый мир. В одно мгновение она научила его понимать смысл и цель жизни.

Главный герой был серийным убийцей, который своим собственным клинком обрек на смерть семь человек. Все они были людьми, которые заслуживали смерти.

В конце концов, убийца был убит полицией.

Хоу Чэн был крайне недоволен такой концовкой.

Почему праведный убийца должен быть убит? Ведь те люди, которые погибли, заслужили это, не так ли? Почему полиция встала на сторону зла? Почему праведный главный герой был убит?

Он не мог с этим смириться!

В последующие недели он взял в руки перо и переписал концовку этой книги.

В его версии событий серийный убийца избежал поимки полицией. Мало того, он разоблачил и убил коррумпированного высокопоставленного бюрократа, глубоко внедренного в полицейскую систему. После этого главный герой избавился от своей старой личности и надел полицейскую форму, продолжая идти по тому же пути охоты и осуждения зла.

Хоу Чэн никому не показывал свой вариант концовки, но вдруг понял... он тоже может писать такие истории!

Он мог не только переписывать чужую неудовлетворительную концовку, но и писать свои собственные произведения с нуля.

Взяв в руки перо, он использовал всю накопившуюся за годы ярость и выплеснул свою философию на страницы. В его рассказах те, кто совершил тяжкие грехи против общества,

больше не были людьми. Они были лишь демонами в человеческой коже. Его главный герой брал на себя роль героя справедливости, уничтожая этих демонов во имя искоренения зла в мире.

Когда он встретил Ян Нанькэ, тот только начал писать первый том.

Поначалу процесс написания шел очень гладко. Но потом Хоу Чэн обнаружил, что, как бы он ни старался, он не может написать сцену убийства, которая бы его удовлетворила.

Однажды он прочитал книгу о писательстве. В книге говорилось, что если вам трудно написать детали сцены, вам следует выйти в мир и самому испытать то, что вы хотите написать.

Поэтому внезапное появление Ян Нанькэ было для Хоу Чэна как божественная возможность.

Когда они прибыли в деревню Цинюэ, Хоу Чэн сделал то, чего никогда раньше не делал. Он пригласил Ян Нанькэ остаться с ним. Ян Нанькэ ответил не сразу, он тщательно осмотрел деревню, но затем вернулся и постучал в дверь Хоу Чэна.

В течение последующей недели Ян Нанькэ жил в доме Хоу Чэна, чтобы отдохнуть и восстановить силы после долгого путешествия. Ян Нанькэ продолжал бесконечно жаловаться на недостатки своих родителей. Постепенно в голове Хоу Чэна созрел план.

В день отъезда Ян Нанькэ Хоу Чэн не стал его провожать. Только когда Ян Нанькэ был уже за пределами деревни, Хоу Чэн бросился за ним на своем педикэбе. Он остановил Ян Нанькэ и рассказал ему, что в деревне существует традиция: перед тем, как гость, проезжающий через деревню, покинет ее, хозяин обязан угостить его чашей таньюань* в сладком рисовом вине.

(* это китайский десерт, который содержит шарики из клейкой рисовой муки и воды, сваренный и поданный в горячем бульоне или сиропе или во фритюре.)

Ян Нанькэ не сомневался ни секунды. Он с радостью забрался в педикэб и поехал с ним обратно в дом Хоу Чэна, где Хоу Чэн отвел его в подвал и проломил ему череп давно приготовленным молотком.

— Я не совершал никакого преступления, — усмехнулся Хоу Чэн, закончив рассказ. Его ложь, которую он явно считал правдой, вырывалась из-под его черно-желтых зубов. — Закон бесполезен, служители закона бесполезны, вы все бесполезны. Вот почему эти преступники, эти демоны на свободе в этом мире. Если вы бессильны избавить мир от зла, хорошо! Но вы хотите помешать мне и моим "верующим" охотиться на этих демонов? Разве Ян Нанькэ не заслужил смерти? Он был кровопийцей, питавшимся от своих родителей и сестры, он не уважал их, пользуясь ими! Он был молод, но в его сердце уже был яд. Чем дольше он жил, тем большему количеству людей он мог навредить.

Хоу Чэн был взволнован и слишком возбужден, он рассказывал о своем прошлом, как король, хвастающийся своими достижениями перед верными подданными.

Он гордо поднял голову и уставился вперед своими круглыми выпуклыми глазами.

— У вас, полицейских, нет чувства добра и зла. Ваши сердца лишены сострадания и морали. Очень жаль...

На этом он прервался и глубоко вздохнул. Его бездумный, безумный взгляд прошелся по лицу Минг Шу. Затем он начал трясти головой, смеясь.

Минг Шу совершенно не обратил внимания на бред этого человека. Он холодно потребовал:

— Что жаль?

Хоу Чэн стиснул зубы, а затем огрызнулся:

— Жаль, что меня разоблачили... прежде чем я успел написать книгу о расправе над вами, копами.

Молодой детектив, сопровождавший Минг Шу в комнате для допросов, зарычал:

— Что ты только что сказал?!

Хоу Чэн издал еще один негромкий, мрачный смешок.

Минг Шу поднял руку и похлопал младшего детектива по плечу, показывая, чтобы тот успокоился.

— Испугался? — ответил Хоу Чэн, взглянув на молодого детектива. — Я говорю об уничтожении продажных полицейских, злых, тех, кто защищает демонов в этом мире. Если ты праведный, честный полицейский, чего ты беспокоишься? Чего ты боишься? У тебя, должно быть, нечистая совесть!

Лицо молодого детектива побледнело.

— Ты..!

— Выйди и отдохни, — сказал Минг Шу. — И позови ко мне Фан Юаньхана.

Молодой детектив был членом Бюро в Луочэне. Он был еще моложе Фан Юаньхана и еще более неопытен. Как только он услышал слова Минг Шу, он запаниковал и поспешно запротестовал:

— Капитан Минг, я не продажный! Меня не мучает совесть! Я просто... я просто...

Минг Шу вздохнул и повернулся к этому детективу с добрым, но строгим выражением лица.

— Как ты можешь верить в слова такого человека? Он навлек трагедию на семью своей жертвы. Слова и действия Ян Нанкэ были грубыми, и он действительно был невоспитанным сыном, но ты считаешь, что этот человек, сидящий перед нами, имеет право судить его? Это убийца, и все же ты позволил себе поддаться его логике? Не паникуй. Выйди, умойся и дай себе время подумать. Скоро ты поймешь, что слова такого человека, как этот, совсем не стоят того, чтобы задумываться над ними.

По другую сторону стола Хоу Чэн продолжал мрачно хихикать, переводя дыхание.

Молодой детектив надул грудь и медленно распутал запутанную паутину лживых слов, которую Хоу Чэн сплел вокруг него.

— Спасибо, капитан Минг!

— Иди, — сказал Минг Шу, с улыбкой отослав молодого человека, а затем повернулся к Хоу Чэну.

Сяо Юань наблюдал за всем этим с монитора снаружи. На краткий миг его взгляд стал более нежным и теплым.

Минг Шу в комнате для допросов был исключительным и зрелым капитаном Отдела тяжких преступлений. Он не только был выдающимся профессионалом, но и мог утешать и успокаивать молодых детективов вокруг себя. Он заслужил доверие молодого детектива и стал человеком, на которого новички могли положиться.

Все эти черты и навыки Минг Шу приобрел всего за несколько лет. Всего четыре-пять лет назад Минг Шу не сильно отличался от молодого детектива, которого он только что утешал. Он также легко сердился на подозреваемых.

Однажды он даже прослезился из-за провокаций подозреваемого.

В то время Минг Шу было двадцать два года.

Дело касалось серии серийных убийств в городе Донгье. Подозреваемой была женщина, которая придумывала бесчисленные оправдания своим действиям, а Минг Шу был одним из

детективов, отвечавших за допрос.

Перед лицом неопровержимых доказательств ее преступлений женщина наконец-то надменно признала свою вину. Но она бесконечно оправдывала свои действия и яростно обвиняла полицейских в том, что они бесхребетные трусы, слепые глупцы и соучастники ее преступлений.

Она с ликованием рассказывала о каждом из своих убийств, высмеивая детективов за то, что они не смогли остановить ее после того, как она расправилась со своей первой жертвой.

— Почему я смогла убить так много людей? Конечно, потому что вы мне помогли! Знаете, кого мои жертвы ненавидели больше всего? Думаешь, это была я? Нет! Они ненавидели вас! Потому что вы слишком медлили со своим расследованием. Потому что вы глупы и трусливы. Вот почему они погибли от моей руки!

Минг Шу был самым молодым из трех детективов, присутствовавших в комнате для допросов. Это было легко определить, просто взглянув на его лицо.

Подозреваемая нацелилась на него, агрессивно разрывая его на части за бессилие, непрофессионализм и безответственность. Она даже заявила, что именно он должен извиниться перед ее жертвами.

В ярости она выплеснула свою язвительную риторику прямо на него и забрызгала слюной все лицо Минг Шу. Он был настолько ошеломлен ее яростной атакой, что застыл в оцепенении. После того как его сменил старший детектив, он вышел из комнаты для допросов и в течение четверти часа умывал лицо ледяной водой. Была зима, и вскоре его лицо и руки онемели от холода. Но даже после этого он не смог избавиться от пелены сомнения в себе, которую набросила на него эта женщина.

Минг Шу отдал всего себя раскрытию этого дела. Было много ночей, когда он не спал, как будто был готов вычеркнуть годы из своей жизни, лишь бы довести это дело до конца.

Но убийца оказалась слишком хитрой. На ее счету было уже четыре жертвы, прежде чем ее задержали.

По правде говоря, Минг Шу не было необходимости непосредственно встречаться с подозреваемой. Он был единственным, кто сам попросил принять участие в допросе. И еще до того, как он вошел в комнату для допросов, он снова и снова задавал себе вопрос: а что было бы, если бы я постарался больше?

Что, если бы я старался больше? Что, если бы я сделал больше? Были бы ее жертвы сейчас живы?

В тот день Сяо Юань приехал забрать Минг Шу из Бюро. Как только Мин Шу вышел на улицу, он увидел, что Мин Шу все еще расстроен.

Когда Минг Шу подошел к нему, его лицо было совершенно без эмоций. Казалось, он делал все возможное, чтобы сдержать дыхание, сдержать свои реакции и чувства.

Только через несколько секунд Минг Шу, казалось, понял, кто стоит перед ним. Сяо Юань отчетливо видел, как Минг Шу нервно закусил нижнюю губу.

Он подозвал Минг Шу ближе и тепло сказал:

— Иди сюда.

Минг Шу приблизился на шаг и застыл, глядя на Сяо Юаня. Затем хриплым от усталости голосом он позвал:

— Гэ....

Сяо Юань открыл дверь машины и пригласил Минг Шу забраться внутрь. Другой рукой он облокотился на раму машины, чтобы Минг Шу не ударился головой.

Когда Сяо Юань забрался на водительское сиденье, он увидел, что Минг Шу начал плакать.

Минг Шу подтянул ноги к сиденью и обхватил ноги руками. Он свернулся в клубок, прижав ноги к груди, и плакал, уткнувшись в колени. Его плечи неудержимо тряслись.

Перед своими товарищами по команде и начальством Минг Шу не произнес ни слова. Он даже не позволил своим глазам покраснеть. Но сейчас, перед Сяо Юанем, сидя в машине, он позволил себе плакать, как ребенок.

— Это моя вина. Это моя некомпетентность, — рыдал Минг Шу. — Если бы я был сильнее, если бы я сделал все лучше, они бы не погибли.

Сяо Юань протянул руку через центральную консоль и развернул Минг Шу из клубка, в который тот свернулся, и помог ему поднять голову. Он утешил Минг Шу, мягко, но твердо, как утешал того молодого детектива нынешний Минг Шу.

— Я не был виноват? — спросил тогда Минг Шу, все еще всхлипывая. Его глаза были наполнены пустым, потерянным взглядом, отчаянно ищущим заверения Сяо Юаня.

— Виноват убийца, — сказал Сяо Юань. — Никогда не позволяй себе поддаваться на слова

убийцы. Ты уже сделал все, что мог.

После этих слов Сяо Юань увидел, как глаза Минг Шу постепенно наполняются убежденностью и решимостью.

Эти глаза стали уверенными и яркими.

И теперь Минг Шу смотрел на Хоу Чэна с тем же огнем решимости, горящим в его глазах.

— У тебя не будет возможности повлиять на кого-то еще, — сказал Минг Шу, — и твои старые книги не привлекут новых читателей.

Глубокие морщины на лице Хоу Чэна дрожали и извивались в конвульсиях, как черви на крючке. Его руки, изношенные и мозолистые от работы на ферме, боролись с наручниками, пока он, наконец, не перестал бороться и не хлопнул в ладоши.

— Все в порядке. Я уже сделал все, что мог, — заявил он. — Мои книги уже достигли тысяч, сотен тысяч, миллионов читателей. Среди них у меня будет бесчисленное множество последователей! Многие из них уже начали действовать и убивать зло! Вы думаете, что мои "верующие" живут только в вашем городе Донгье? Нет! Они повсюду в этой стране! Везде в этом мире! Любой, кто читал мои книги, мог стать моим последователем!

Глаза Минг Шу стали холодными и тусклыми.

Хоу Чэн говорил то, о чем Минг Шу уже размышлял.

В городе Донгье появилось два дела об убийствах, связанных с Погребенным Сердцем. Могло ли быть совпадением то, что "верующие" Погребенного Сердца появились в одном месте?

Нет! Преступления, связанные с Погребенным Сердцем, должны были произойти и в других городах. Но местная полиция просто недостаточно глубоко копала в их мотивах. Они не обнаружили связь с Погребенным Сердцем!

— Я хвалю вас, — сказал Хоу Чэн, продолжая хлопать в ладоши. — Вы лучше тех идиотов-полицейских, которые до сих пор ничего не нашли. Но если вы такие доблестные, почему вы должны противостоять мне? В конце концов, вы все еще защищаете демонов в этом мире. Ты не используешь свои навыки с пользой.

— Ты считаешь, что судить других — это правильно? У тебя нет права судить их, — заявил Минг Шу. — Люди не святые и не боги. Количество людей в этом мире, полностью свободных от проступков, исчезающе мало. Если человек несовершенен, он заслуживает смерти?

Минг Шу остановился, поняв на полпути к аргументации, что он зря тратит дыхание.

Такой безумный, высокомерный головорез, как Хоу Чэн, никогда не прислушается к голосу разума.

— Они действительно заслуживают смерти! — воскликнул Хоу Чэн, снова заходясь от смеха. — Кто написал законы, по которым мы живем? Люди! Почему эти законодатели имеют право судить других, а я нет? Разве я не такой же человек, как и все остальные? Разве все люди не рождаются равными? У меня есть полное право судить зло так, как я считаю нужным! Мои мать и отец не должны были умирать, но они умерли, оставив меня одного в этом мире! Это мое право и мой долг — исправлять ошибки нашего общества, чтобы те, кто заслуживает смерти, погибли от моей руки!

Продолжать этот разговор не было смысла, и Минг Шу не хотел слушать бред Хоу Чэна.

Уже собираясь уходить, он услышал, как Хоу Чэн сказал:

— Позволь мне сказать тебе еще кое-что.

— Что? — Минг Шу бросил на него косой взгляд.

Хоу Чэн оскалился в дьявольской ухмылке, обнажив покрытые пятнами и гниющие зубы.

— Я убил не одного человека своими руками. Это был не только Ян Нанькэ.

На лице Минг Шу появилось слабое, незаметное изменение.

— Кто еще?

— Почему бы тебе не угадать? — предложил Хоу Чэн, его рот все еще кривился в мерзкой ухмылке.

Минг Шу сжал губы, превратив их в тонкую линию, похожую на острое лезвие. В его голове уже всплыло одно имя.

— Не можешь угадать? — самодовольно спросил Хоу Чэн. — Тогда ищи его понемногу. Возможно, ты скоро найдешь его тело. Знаешь, я рад, что у меня был шанс убить такого страшного демона, как Ян Нанькэ, прежде чем вы, люди, поймали меня.

— Человек, которого ты убил... — Минг Шу нахмурился. — Это был сын Хоу Цзяньцзюня, Хоу Цзян?

Хоу Чэн снова разразился смехом; на словах Минг Шу его смех резко прекратился.

Через полминуты он снова зааплодировал.

— Неплохо. Ты действительно очень умный. Тогда давай, угадай... где его тело?

<http://bllate.org/book/14859/1321894>